

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «ДРЕВНИЕ ГЕММЫ И КАМНИ ВОСТОКА»

(Москва, 15–16 апреля 1999 г.)

14 апреля 1999 г. в Государственном музее Востока состоялось открытие выставки «Древние геммы и камни Востока», где впервые была представлена уникальная коллекция произведений древневосточной глиптики из собраний музея. В связи с выставкой 15 и 16 апреля был проведен научный семинар, в котором приняли участие более 30 специалистов по истории искусства древнего Востока из ГМВ, Государственного Эрмитажа, Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина; Института востоковедения, Института археологии, Института этнологии и антропологии, Института истории естествознания и техники РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Российского Государственного гуманитарного университета, Московского педагогического государственного университета, Московского государственного художественно-промышленного университета им. С.Г. Строганова.

Работа семинара проходила на трех заседаниях, доклады на каждом из которых объединялись по хронологическому принципу: древневосточная глиптика в III – начале I тыс. до н.э., в середине I тыс. до н.э. – III–IV вв. н.э. и в I тыс. н.э. (по VIII в. включительно). Были заслушаны и обсуждены 16 докладов, изданы тезисы.

Утреннее заседание 15 апреля открыла *Т.Х. Метакса*, первый заместитель Генерального директора ГМВ, которая во вступительном слове поздравила участников и гостей семинара с проведением первой в истории музея выставки гемм, ставшей крупным событием в культурной жизни столицы; отметила большую собирательскую и хранительскую работу автора выставки *С.Я. Берзиной*; пожелала плодотворной работы семинара.

Е.В. Антонова (Москва) выступила с докладом «Растительные мотивы на печатях Бактрии и Маргианы». Доклад основывался на материалах, опубликованных в книге *В.И. Сариниди «Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets»*. В докладе был дан краткий исторический очерк региона, рассказано о появлении здесь во II тыс. до н.э. новых видов изобразительных памятников, идею *В.И. Сариниди* об арийском происхождении которых докладчик считает спорной. Подробно рассмотрена одна из групп изображений на печатях – растения (цветущие мак, тюльпан и эфедра) и их сочетания с образами животных и птиц, а также печати с изображением четырехконечного креста как наиболее абстрактного образа мира. Докладчик выявляет связь между этими мотивами и делает вывод о том, что весь круг подобных изображений на печатях, призванных служить амулетами и талисманами, независимо от их сочетания, связан с космогоническим мифом.

Отвечая на вопросы о датировке печатей и материале, из которого они изготовлены, докладчик определила комплекс концом III–II тыс. до н.э. и отметила, что для каменных печатей выбирались материалы, легкие в обработке, в основном стеатит; более трети находок из грабительских раскопок составляют бронзовые печати.

Е.И. Кононенко (Москва) в докладе «Сюжетно-композиционные схемы в глиптике Двуречья III тыс. до н.э.» указал, что при всем разнообразии мотивы на шумерских печатях сводятся к трем схемам, которые отражали важнейшие образные представления, закрепленные в мифе и ритуале: шествия, борьба и еда. Еда получает космогоническую семантику через цепочку «принятие пищи – пир для богов – пир богов»; докладчик отметил игнорировавшееся исследователями разделение сцен пира на печатях на два иконографических типа. Как выражение темы борьбы в глиптике была рассмотрена схема «фриз сражающихся» – происходящая из мотива «защита стада». Композиции «фризобразного шествия» (и их «сокращенный» – до 1–2 фигур – вариант) появились в глиптике Двуречья в конце IV тыс. до н.э. и к концу III тыс. до н.э. вытеснили все остальные схемы.

При обсуждении доклада *С.Я. Берзина* заметила, что в последнее время исследования в области изобразительного искусства представляют памятники искусства как исторический источник и в этой связи интереснее показанный в докладе *Е.И. Кононенко* новый подход к изучению месопотамской глиптики как к источнику по политической истории Двуречья.

В докладе *К.Н. Гаврилина* (Москва) «Памятники финикийской глиптики VII–VI вв. до н.э. на территории Этрурии» отмечена высокая роль традиций искусства Востока в этрусской культуре архаического периода. Так, инвентарь этрусских гробниц VII в. до н.э. представляет разнообразные предметы ближневосточного и египетского импорта. Особое место занимают произведения глиптики, которыми, как правило, опечатывали сакральный погребальный инвентарь. Докладчик большое внимание уделил вазам буккеро, при изготовлении которых использовали откатки штампов, подражающих финикийским цилиндрическим печатям. В Этрурии найдено также значительное количество гемм в виде скарабеев. По технике обработки и сюжетам этих гемм докладчик выделил финикийские печати; печати, созданные греческими мастерами под финикийским

влиянием; собственно этрусские произведения, сочетавшие опыт Финикии с нарастающим к концу архаической эпохи греческим воздействием.

С.И. Ходжаш (Москва) в докладе «Чужеземная глиптика в урартских центрах» представила найденные при раскопках Эребуни в 1950-х годах ассирийские печати из коллекций ГМИИ им. А.С. Пушкина и Музея истории Армении и привлекла их аналогии из Переднеазиатского музея в Берлине. Стилистические черты в изображениях людей на этих геммах позволяют датировать их VIII в. до н.э. Как было отмечено, некоторые из этих произведений искусства ближе к закавказским, например, к памятникам с территории Грузии, нежели к ассирийским. Интересны геммы с символами плодородия, среди них халцедоновая печать из Тейшебаани с изображением сидящей на троне богини Иштар, медальоны из Вани и Тейшебаани с изображением богини, супруги верховного бога Урарту, и египетские скарабеи, попавшие в Урарту через Сирию и Главный Кавказский хребет.

М.Н. Погребова (Москва) в докладе «Митаннийские печати из Закавказья» говорила о значении печатей для тех исторических памятников, где они были найдены. Основная область распространения пастовых митаннийских печатей совпадает с ареалом Лчашенской культуры, известной великофлепными памятниками бронзовой металлургии. Печати из лчашенских памятников чрезвычайно важны для установления абсолютных дат начала периода поздней бронзы в Закавказье. 12 закавказских печатей, близких стилистически и сюжетно и выделенных Б.Б. Пиотровским в одну группу, дают достаточно твердую дату для Лчашенской культуры – XV–XIV вв. до н.э. Как отмечено в докладе, к этой группе можно добавить еще 3 печати, которые относятся к палестинскому типу и дожили до XIII в. до н.э. Резко выделяется из этой группы памятников глиптики золотая печать из Арчадзора, которая относится к эпохе развитой бронзы (рубеж II–I тыс. до н.э.).

В выступлениях по докладу Е.В. Антонова отметила, что важным направлением в науке является изучение культурно-исторической роли печатей и их сочетание с другими предметами материальной культуры. По мнению Н.З. Куниной, данная проблематика убедительно изложена в докладе.

Дневное заседание 15 апреля открыла *С.Я. Берзина* (Москва) докладом «Образы созвездий на малоазиатских геммах ахеменидского периода», в котором поставила вопрос о возможности выделения созвездий в репертуаре малоазиатских скарабеоидов V–IV вв. до н.э. На примере ряда повторяющихся образов, трактуемых как созвездия, Тельца, Большой и Малой Медведиц, Пса и Льва, она выявила особенности их иконографии как созвездий: большой лучистый шар на голове или горбе; изображение в рисунке участка ночного неба; изображение, сопровождаемое многолучевой звездой; во многих случаях на фигурах животных выделены шарами-звездами суставы ног, такие же шары помещены на фигурах, в «нейтральных» местах, не связанных со строениями тел, но с учетом реального расположения звезд.

Выступая по этому докладу и принимая большую часть доказательств, О.Я. Неверов заметил, что шары в месте обозначения суставов не всегда образуют рисунок созвездия, часто это чисто технический прием – например, шарами выделяются коленные и локтевые суставы на изображениях людей. Г.Е. Куртик сказал, что в условиях отсутствия письменных источников по астрологии V–IV вв. до н.э. схема, предложенная докладчиком, имеет фундаментальное значение. Участники дискуссии согласились с тем, что вопрос об этнической принадлежности резчиков исследуемых скарабеоидов – за пределами темы.

С.И. Финогенова (Москва) в своем докладе «Группа эллинистических бронзовых перстней из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина» отметила, что геммы и бронзовые перстни служили одним и тем же целям – они являлись печатями, хотя и отличались материалом и техникой исполнения. Была представлена небольшая коллекция найденных при раскопках экспедиции музея в Фанагории, Тирамбе и Пантикапее перстней с мужскими и женскими погрудными изображениями представителей династии Птолемеев (Птолемея II, Арсинои II, Арсинои III и Береники II); перстень из Тирамбы с изображением охотящейся Артемиды и перстень из Фанагории с изображением собаки. Наиболее близки предметам из коллекции Пушкинского музея перстни из Эрмитажа, Лувра, Британского музея, Геттингенского университета. Находки около 30 экземпляров подобных перстней наряду с распространением в Северном Причерноморье других предметов египетского импорта свидетельствуют о тесных контактах эллинистического Египта с этой периферией античного мира, что выражалось в обширных торговых связях и распространении частных египетских культов.

В ответ на вопрос К.Н. Гаврилина о перстне из Тирамбы докладчик отметила, что идентичные изображения Артемиды можно встретить, в частности, на монетах.

Доклад *Б.И. Вайнберг* (Москва) «Олень в глиптике древнего Хорезма» был посвящен немногочисленной, но необычной коллекции древнехорезмийских гемм второй половины I тыс. до н.э., среди которых выделяются простые камни (типа гальки) с изображением оленя, пронзенного стрелой, из Кой-Крылган-калы. Находка в культовом центре Калалы-гыр 2 керамического рельефа с календарным мифом позволила говорить о том, что изображение на геммах – «цитата» из этого мифа: жертвоприношение оленя божеством Митрой сразу же после его рождения в день зимнего солнцеворота. Как считает докладчик, изображение на костяных ножнах из Тахти-Сангина (лев держит оленя), которое И.Р. Пичикян трактует как борьбу правителя Бактрии с саками, также показывает подготовку оленя к жертвоприношению. В докладе было

представлено подробное описание сюжета, связанного с оленем и его функциями как божества плодородия, проведен разбор праздников в иранском календаре, показаны параллели хорезмийских верований в иранской, западноевропейской и индийской мифологиях.

В докладе *Н.Э. Куниной* (Санкт-Петербург) «Цветной камень и стекло» были широко представлены интересные памятники искусства из различных музеев мира и частных собраний – изделия мастеров-стеклодувов, имитировавшие цветной камень, из Месопотамии и Египта XVI в. до н.э. – I в. н.э. (бусы, рельефные вставки в виде лица, инкрустации в виде глаза, мозаичные плакетки и панно), Римской империи и Восточного Средиземноморья I в. до н.э. – IV в. н.э. (миниатюрные бюсты римских императоров, фалеры, изображения мифологических персонажей). Докладчик особо отметила доведенную до совершенства виртуозную мозаичную технику египетских мастеров и отдельные технологические приемы стеклоделия в Римской империи, такие, как подражание цвету и фактуре камня, благодаря чему стеклянные изделия иногда невозможно отличить от каменных. Рассказывая о производстве из «каменного» стекла ваз (самая знаменитая из них «Портландская ваза» из Британского музея) и плакеток-панно, докладчик высказала предположение, что подобные изделия делали мастера-резчики гемм.

О.Я. Неверов (Москва) в докладе «Египетская тематика в магических амулетах времени Римской империи» отметил популярность в поздней Римской империи культа бога Сераписа, особенно во времена Септимия Севера и его сына Каракаллы. Надписи на амулетах из яшмы и халцедона рядом с изображением бога – мольбы о победе или просьбы о благосклонности к владельцу. Известны также камея и амулет с изображением Исиды, несколько гемм с изображением Хора-Харпократа (в надписи на одной из них – имени иудейских архангелов). Помимо солярной темы в резных изображениях на амулетах присутствует тематика бессмертия (амулеты с мумиями Осириса, львом, попирающим лапами покойника, скарабеем – символом бессмертия). Как отметил докладчик, чаще всего подобные амулеты обслуживали любовную, астрономическую и медицинскую магию, но была магия и отрицательная, свидетельством чему служит амулет с надписью – обращением к помощи против Тифона – демона-вредителя, угрожающего нарушить порядок. Докладчик представил амулеты, показывающие и обратное влияние – римского мира на египетскую иконографию. Он привел неопубликованный материал, в частности, гемму из Эрмитажа с изображением Сераписа и греческой надписью «Велико имя Божье», а также исправил чтение надписи на знаменитой гемме из Венского музея с изображением семи богов, связанных с семью планетами и семью днями недели.

В выступлении по докладу *А.Б. Никитин* поддержал предложенное докладчиком прочтение надписей на геммах, но отметил, что имени Митры в надписи на Венской гемме нет.

Н.М. Никулина (Москва) в докладе «Об эгейской глиптике» показала значимость достижений этого вида эгейского искусства. Памятники эгейской (минойской и микенской) глиптики дают возможность изучать историю эгейского мира, жизнь эгейских дворцовых центров и культурные связи с Восточным Средиземноморьем. По мнению докладчика, эгейская глиптика как часть эгейского искусства – явление II тыс. до н.э.; и перенесение всего, что касается ее, в контекст I тыс. до н.э. только потому, что позднейшая греческая культура с ней так или иначе соотносится, представляется ошибочным.

Заседание 16 апреля открыла *В.Н. Залеская* (Санкт-Петербург) докладом «Раннесредневековая (IV–VII вв.) глиптика из Восточного Средиземноморья в собрании Эрмитажа», в котором рассказала о двух группах раннесредневековых образцов глиптики: это памятники, которые следуют имперским римским традициям, из восточных провинций Римской империи (вставки в обручальные кольца с парными портретами супругов; кольца с изображением жеста рукопожатия; ряд перстней-печатей с монограммами владельцев; образец глиптики с христианским сюжетом – гемма с Даниилом во рву и хризмой на оборотной стороне) и памятники византийской традиции из сиро-палестинского региона и Египта. Среди последних особое внимание было уделено гемме с изображением ангела и двух пальм. Для объяснения этого образа докладчик привлекает одну из миниатюр так называемой Коттоновой Библии (Египет, конец V в.) с композицией третьего дня Творения, когда Бог создал растительный мир, и считает, что на инталии из Эрмитажа воспроизведен ангел «наращения плодов». Подобное изображение на резном камне встречено впервые.

А.Б. Никитин (Санкт-Петербург) в докладе «Кушанская Шахерезада» представил бактрийские геммы из коллекции Дж. Розена (Нью-Йорк). Это две крупные сердоликовые печати V – первой половины VI в.: печать с погрудным портретом безбородого мужчины и пространной надписью, чтение которой впервые дает докладчик, и печать с погрудным изображением женщины в короне эфталитского типа. Надпись на печати «Благородная» или «Царского рода» – бактрийский эквивалент имени Шахерезады из «Тысячи и одной ночи». В докладе также представлена гемма в золотой застежке, показывающая тохарское и кушанское завоевание Бактрии, изображение царя на которой совпадает с изображением Санаба Герая на монетах I в. до н.э. – I в. н.э. До сих пор этот правитель известен только по монетам, письменных источников о нем нет; докладчик впервые представил эту гемму широкому кругу специалистов.

В выступлении был отмечен сенсационный материал данного сообщения. Ответы на вопросы по докладу переросли в оживленную дискуссию о социально-экономическом состоянии тохарского общества, которая показала недостаточную изученность проблемы. Так, например, по мнению докладчика, неверно представление о тохарах как о кочевниках.

В докладе В.А. Гаибова и Г.А. Кошеленко «Буллы Гебеклы-депе (Туркменистан)», прочитанном первым из авторов, рассказано об исследовании городища Гебеклы-депе на северо-западе Мервского оазиса экспедицией Института археологии РАН и Туркменского государственного университета. Особую категорию находок экспедиции составляют буллы парфянского времени. Термин «буллы» условен для этой группы почти трех тысяч целых и фрагментарных глиняных оттисков печатей с разнообразными сюжетами (геометрические рисунки, изображения животных, птиц и фантастических чудовищ; изображения царя-всадника и сидящей на троне богини). Авторы полагают, что эти буллы, опечатававшие тару с товарами, представляют собой отражение какой-то системы централизованного распределения продуктов. Дальнейшее исследование коллекции может дать новую информацию о различных сторонах жизни восточно-парфянского общества.

При обсуждении доклада были высказаны пожелания публикации корпуса булл с Гебеклы-депе. Как подчеркнул В.А. Гаиров, подобные научные семинары во многом способствуют проведению серьезных работ по систематизации и анализу накопленных материалов.

Доклад В.Г. Шкоды (Санкт-Петербург) «Сокровищницы пенджикентских храмов» был посвящен раскопкам двух святилищ городских храмов Пенджикента, где обнаружены потайные помещения. Докладчик высказал предположение, что они могли быть специальными кладовыми-тайниками для хранения посвященных даров: подношение даров храмам являлось богоугодным делом. Это предположение подтверждают находки в тайниках: буллы, монеты, фрагменты скульптуры, большое количество разнообразных бус и подвесок, фрагменты золотой фольги. Была особо отмечена находка двух серебряных медальонов с изображением эллинистического царя в профиль – выполненная согдийским мастером стилизация античного оригинала. Разрушение святилищ можно отнести к первой четверти VIII в. н.э.

По мнению С.Я. Берзиной, реконструкция этих помещений как сокровищниц очень убедительна. Сопоставление находок из сокровищниц со сценами приношения даров в живописи того же времени, вероятно, показывает, что в живописи представлены реальные события и реальные лица. Докладчик ответил, что эта идея, не прозвучавшая в докладе, отражена им в рукописи книги, подготовленной к публикации. Т.К. Мкртычев отметил последовательность и методичность работы докладчика в процессе многолетнего изучения одного из интереснейших памятников Согда.

Б.Я. Ставиский (Москва) выступил с докладом «О согдийской глиптике», в котором подчеркнул, что в отличие от гемм Сасанидского Ирана глиптика домусульманского Согда практически не изучена, к тому же отсутствуют научные критерии для выделения ее образцов из массы восточных гемм, а предполагаемые образцы согдийской глиптики не имеют единого четко выраженного стиля. Но, как полагает докладчик, учитывая характер согдийской цивилизации и ее искусства, наличие «единого стиля» не обязательно для всех произведений Согда. Дальнейшая проработка археологического материала (геммы – печати, буллы и оттиски на керамике, обнаруженные на территории Согда и соседних областей) с учетом специфики истории, культуры и искусства раннесредневекового Согда – путь к решению проблемы согдийской глиптики.

Идею о существовании собственно согдийской глиптики поддержал А.Б. Никитин.

В заключительном выступлении С.Я. Берзина отметила широкий тематический охват и высокий научный уровень докладов; поблагодарила руководство музея за поддержку идеи подобных заседаний, приуроченных к открытиям выставок, а также от лица всех участников семинара выразила надежду на продолжение подобного рода сотрудничества.

Т.Г. Алпаткина

© 2000 г.

КРЕЙВЕНОВСКИЙ СЕМИНАР «ИСТОРИОГРАФИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ»

(Кембридж, 25–28 мая 1999 г.)

В конце мая 1999 г. на факультете классических исследований Кембриджского университета состоялся традиционный семинар, на этот раз посвященный проблемам национальных особенностей историографии древней Греции. Его организаторами выступили Кембриджский университет и Британская Академия, а реальный подбор участников осуществили Пол Карлтидж и Питер Гарисн. В нем приняли участие около 20